

Чиновники зашумели: они не могли себе представить, что у Фань Сяня настолько несгибаемый характер и он не станет оправдываться даже перед лицом смерти. Министр чинов Ян Синшу помрачнел и собирался что-то сказать, но, подняв глаза, заметил, что стоящие впереди него высшие сановники угрюмо молчат. Тут он и понял, что дело окажется не таким уж простым.

Дворцовый сквозняк трепал полуседую бороду главы Тайного совета, старого генерала Циня, а глаза он прищурил, словно спал. Янь Синшу глянул в сторону и вниз: Цинь Хэн, сын генерала Циня и член Тайного совета, тоже держал рот на замке — он уже лишился той смелости, с которой в начале весны предлагал назначить Фань Сяня послом в Северную Ци.

Молчание военных имело скрытый смысл. С одной стороны, они поддерживали хорошие отношения с Контрольной палатой. С другой, у них не было необходимости вмешиваться в дела гражданских чиновников. Впрочем, императорский наставник Шу тоже стоял с почтительным лицом, словно не слышав разговора перед дворцом, а несколько министров будто превратились в глиняные истуканы.

Янь Синшу прикинул про себя: вроде не было нужды обижать Фань Сяня, этого сумасбродного щенка, ради старшей принцессы из далёкого Синьяна. Так что он тоже не раскрыл рта.

Когда ни один чиновник не выступил с осуждением, император всё же не смягчился; в его взгляде, когда он уставился на Фань Сяня, сверкнул лёд:

— Раз ты не собираешься оправдываться, тогда послушаем, что скажет сановник Лай.

Лай Минчэн, главный цензор, послушно вышел вперёд и перечислил все противозаконные дела Фань Сяня, упомянутые в его докладе. Каждая сумма была названа предельно точно. Фань Сянь мысленно застонал и подумал, что не зря главного цензора зовут Лай — иначе с чего бы он решил так облаять Фань Сяня? И какое отношение к нему имеют взятки, которые эти сукины дети из первого отдела вымогали в прошлом месяце?

В зале начались дискуссии, и на Лай Минчэна и Фань Сяня стали посматривать немного странно. Среди всех дел, которыми занимался Цензорат, первым в ход пошло то, что евнух Дай хлопотал за своего племянника Дай Чжэня, начальника Продовольственной инспекции, и попал под подозрение в даче взятки преемнику главы Контрольной палаты. Все чиновники подумали: «Как этот мерзавец Лай посмел представлять это дело во дворце?» С другой стороны, они презирали Фань Сяня: такой был хороший шанс, а он взял с евнуха Дая всего тысячу лянов серебра. Кто из стоящих в этом дворце представителей старшего поколения додумался бы брать такие мелкие суммы?

Услышав, что дело касается дворца, император не изменился в лице. Он даже немедленно приказал страже, чтобы из дворца наложницы Шу в тронный зал привели евнуха Дая на очную ставку.

Хотя чиновники знали, что такой метод расследования дела приводит к скандалу, все считали, что император придерживается строгих правил и попусту не бросается словами о заключении под стражу. К тому же всем было любопытно, чем закончится это дело, поэтому они ждали молча.

Через некоторое время в зал привели евнуха Дая. Он уже знал, какое дело рассматривается сегодня на аудиенции, и был дико напуган, но также и недоумевал. Деньги, что он передал, прошли только через руки наложницы И, а эта госпожа хотя и весёлого характера, но за языком следит строго. Кроме того, она состоит в отдалённом родстве с Фань Сянем и не стала бы выдавать своих. Так как эти сведения дошли до Цензората?

Войдя в зал, евнух Дай первым делом возгласил: «Многая лета!», а затем крикнул, что его обвиняют несправедливо. Тряся задом, он рыдал и без остановки отбивал земные поклоны императору, настаивая, что ничего такого не было:

— Ваше величество, вы всегда строго запрещали дворцовым слугам сноситься с чиновниками. Я стар и труслив, как бы я посмел нарушать правила? Что же до молодого господина Фаня, я действительно слышал это имя, потому что... — Евнух Дай с жалким видом взглянул на императора на драконьем троне. — В этом мире все знают имя гения поэзии Фань Сяня. Я хотя и увечен, но всё же я подданный Цин. Я слышал, что господин Фань отправился послом в Северную Ци, дабы прославить ваше величество, и очень обрадовался, и, конечно, в обыденной болтовне господина Фаня постоянно упоминали. Однако я никогда не видел молодого господина Фаня в лицо, так как же я мог подкупить его?

Главный цензор Лай Минчэн холодно спросил:

— Евнух Дай действительно никогда не видел преемника Фаня?

У евнуха Дая уже болели колени от долгого стояния на них. В мыслях он и так и сяк проклинал цензоров, сующих нос не в своё дело, но, услышав вопрос, внезапно сообразил:

— Если подумать, в прошлом году я был послан с поручением в поместье Фань и действительно встречал молодого господина Фаня, но тогда я передавал указ, поэтому пришёл и сразу ушёл. Если это считать встречей... то она единственная.

Тут евнух Дай взвыл и стал клясться перед небесами:

— Ваше величество, я действительно только раз видел молодого господина Фаня. Если я вру, пусть у меня брюхо лопнет и кишки сгниют, пусть я умру поганой смертью и в следующей жизни снова буду евнухом!

Эта клятва была настолько грязной, что император в гневе выбранился:

— Что за чушь собачья!

Однако цензор Лай со скорбным выражением лица сказал:

— Для получения взятки стороны не обязательно должны встретиться... Евнух Дай, скажите, есть ли у вас дальний родственник по имени Дай Чжэнь, который служил мелким чиновником в Продовольственной инспекции на рынке Фонарей?

Евнух Дай не посмел скрывать это и кивнул.

Цензор Лай строго доложил:

— Ваше величество, Дай Чжэнь — продажный чиновник... — Он изложил всё, что выяснил первый отдел Контрольной палаты, затем посмотрел на Фань Сянь и холодно спросил: — Смею поинтересоваться у преемника Фаня, где сейчас этот Дай Чжэнь?

Немного подумав, Фань Сянь ответил:

— Дело закрыто. Мелкий чиновник по имени Дай Чжэнь вернул украденное и был уволен. Однако я не знаю, где он сейчас.

Цензор Лай спокойно произнёс:

— Ещё бы вам не знать! Очевидно, что вас подкупил евнух Дай и вы воспользовались служебным положением. Дай Чжэнь проработал в Продовольственной инспекции шесть лет, и неизвестно, сколько присвоил государственных денег. И ваше это «не знаю», ваше это «уволен» означает лишь, что вы взяли серебро и отпустили его. Уж не знаю, в чём тут тайна.

Фань Сянь ответил последовательно и без спешки:

— Палата выяснила, что Дай Чжэнь за шесть лет присвоил в общей сложности четыреста семьдесят два ляна серебра. Согласно третьему параграфу законов Цин, при краже менее пятисот лянов полагается увольнение, возврат украденного и ещё денежный штраф; дело не нужно передавать в Министерство наказаний. В завершение этого дела Дай Чжэнь был уволен и оштрафован на тысячу лянов серебра. Интересно, что цензор Лай считает неподобающим в том, как я распорядился этим делом? Что здесь таинственного?

Дело Дай Чжэня расследовала Контрольная палата. Что касается суммы украденного, об этом не Фань Сянь сообщил.

Цензор Лай взволнованно усмехнулся:

— Четыреста семьдесят два лян? Может быть, преемник Фань обманывает придворных, словно у них и глаз нет?

Это заявление было чрезвычайно серьёзным, но Фань Сянь в ответ рассмеялся:

— Конечно, Дай Чжэнь также присвоил немного овощей, фруктов и прочего, и по закону это нужно пересчитать в деньги. Тогда это действительно упущение Контрольной палаты, и ваши указания, цензор Лай, весьма разумны, благодарю вас.

Цензор Лай понял, что он валяет дурака, и гневно закричал:

— Да где это видано! Дай Чжэнь за эти шесть лет присвоил по меньшей мере четыре тысячи лянов серебра! Недовольство народа достигло предела, а преемник Фань изо всех сил прикрывает его. Так с какой же целью?

В зале воцарилась тишина, и в ней раздавались лишь исполненные гнева вопросы главного цензора.

Фань Сянь медленно поднял голову, с прохладцей взглянул на цензора и неслышно шагнул вперёд.

Цензор Лай заметил холод в его изящном лице и, сразу испугавшись, неосознанно сделал шаг назад.

Фань Сянь уставился ему в глаза и вдруг отдельно произнёс:

— С какой целью? Недовольство народа?

Он глубоко вздохнул и насмешливо продолжил:

— Осмелюсь спросить господина Лая: вы как цензор несёте ответственность за сообщение сведений императору, и раз вы продолжаете настаивать, что Дай Чжэнь присвоил так много денег, и недовольство народа так велико... то почему за шесть лет Цензорат не упомянул об этом ни в одном докладе? Может, это вы тот чиновник, который хотел прикрыть его преступления? Если недовольство народа кипит, почему вы не ходатайствовали в городскую управу, чтобы его отдали под суд?

Он внезапно разозлился, и все придворные замерли в ужасе.

Фань Сянь не дал цензору Лаю возможности высказаться и жёстко продолжил:

— Я руководил первым отделом не более месяца и уже узнал о воровстве Дай Чжэня. Цензор Лай шесть лет знал, что Дай Чжэнь вызывает народное возмущение, но молчал, будто немой. Когда Контрольная палата расследовала это дело и установила вину, выяснилось, что цензоры уже шесть лет как немые!..

— Вы шесть лет молчали! А теперь говорите, что наша Контрольная палата берёт взятки и нарушает законы!

Фань Сянь поклонился императору на драконьем троне, затем обернулся и в гневе спросил цензора Лая:

— Это я должен спрашивать вас, господин Лай, в чём ваша цель!

Эти вопросы, словно серия пушечных выстрелов, ошеломили главного цензора. Он понял, что только что сказал что-то не то, и в результате Фань Сянь получил зацепку: если признать, что Цензорат ничего не знал о воровстве Дай Чжэня, то утверждение Фань Сяня о том, Дай Чжэнь присвоил лишь четыреста с лишним лянов, невозможно опровергнуть. Но только что в гневе он сказал, что Дай Чжэнь присвоил очень много денег и вызвал большое недовольство среди народа, таким образом попав в ловушку Фань Сяня — почему цензоры, зная это, не предприняли никаких действий за шесть лет? И вот как раз когда Контрольная палата расследовала это дело, он бросился обвинять человека, отвечающего за расследование. Когда Фань Сянь указал на это, появилось убедительное доказательство, что Цензорат завидует Контрольной палате и выступает с ложным обвинением.

Придворные стали сурово посматривать на цензора Лая, а на молодого господина Фань взирали даже с восхищением. Конечно, все эти старые лисы хорошо понимали подоплёку этого дела. Просто эффективность и точность, с которой Фань Сянь расставил ловушку, а цензор Лай в неё попался, немного испугали этих старых хитрецов: не очень-то это было похоже на молодого человека, прослужившего чиновником менее года!

Сановники вздохнули про себя: Фань Сянь может и стихи писать, и человека избить, а теперь оказалось, что и чиновником тоже может служить. Вот уж непонятно, откуда у старого денежного мешка Фань Цзяня столько удачи, что он прижил такого славного внебрачного сына.

Губы главного цензора Лай Минчэна дрожали от гнева. Оправив рукава и опустившись на колени перед императором, он взволнованно произнёс хриплым голосом:

— Я пренебрёг своими обязанностями, пожалуйста, ваше величество, сурово накажите меня. Но преемник Фань нарушил закон, ваше величество не может так это оставить. Если Ревизионная палата тщательно рассмотрит дело, обязательно что-то найдёт!

Император уже немного устал это слушать. При выступлении Фань Сяня в его глазах промелькнуло удовлетворение, и он сразу же в притворном нетерпении сказал:

— Ладно-ладно, ты высокопоставленный главный цензор, это нормально, что ты не знаешь о взяточничестве мелкого чиновника, ведающего овощами, за что тут наказывать? Просто запомни, не вздумай больше раздувать это дело при дворе и говорить тут о народном недовольстве... Я не император Северной Вэй или Северной Ци, государство Цин — не такая страна, поэтому не нужно выставлять напоказ своё благочестие.

«Выставлять напоказ своё благочестие»? Лай Минчэн был посрамлён и рассержен. С такой репутацией легче было умереть. Он стиснул зубы, опустился на колени и, отказываясь вставать, клал поклон за поклоном.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/5159868>